

«складом сувениров». Ценность такого музея нельзя было бы отрицать при наличии других музеев этнографического профиля с актуализированной концепцией и идеологией. Возможна и другая форма сохранения исторически ценного явления, каковой выступали в свое время «кунсткамеры». Это могли бы быть постоянные или временные экспозиции при соответствующем состоянию науки и общественного сознания современном музее. Скажем, в МАЭ в 1990-е годы был проведен эксперимент по восстановлению в рамках временной экспозиции единства антропологических, минералогических и ботанических коллекций в сочетании с научными трактатами и научными инструментами XVII–XVIII вв. Этот эксперимент был несомненной удачей. Возможно, еще правильнее было бы попытаться восстановить в здании МАЭ XVIII в. историческую экспозицию петровской и елизаветинской эпох. В здании же XIX в. можно было бы представить экспозицию периода начального этнографического музееведения конца XIX — начала XX в. При этом в идеале следовало бы создавать принципиально новый по концепции, планировке, дизайну музейный блок актуальной этнографии.

Этнографический музей: обращение к истокам и многообразию культуры

Как мне представляется, современный этнографический музей так или иначе должен воспроизводить (в фондах, экспозиции, концептуальных разработках) нижеследующую или подобную схему рассмотрения любой социальной и культурной реальности (в первую очередь отраженную в соответствующем предметном и образном инвентаре):

а) природная среда;

б) природообусловленные формы производства и воспроизводства жизни;

в) социообусловленные формы производства и воспроизводства жизни;

г) система отражения: обусловленность и формы реализации восприятия и передачи информации, ее интерпретация и систематизация (бытовая/профанная и сакральная/эзотерическая);

д) знаковые и символические системы организации жизни и опосредования биогеосоциальных взаимодействий.

В некоторой степени это и есть минимально необходимые параметры рассмотрения и воспроизведения в мыслительных операциях и в практической музейной деятельности основ существования (и по-

каза) любых обществ (особенно «обществ, пребывающих в природе» — архаических). Они должны образно достоверно показывать неразрывное единство среды обитания людей, способов их жизне-воспроизводства в сфере материальной жизни, символических систем отражения бытия и связи со средой, а также средства гармонизации этого бытия в образных невербальных и вербальных формах. Потеря «первичной» гармонии с природой воспринимается ныне как потеря «золотого века». Сегодня это одна из наиболее остро ощущаемых проблем человечества. В его нынешних условиях это потеря ориентиров. Это нарастающее разочарование в культурной доминанте над природной, цивилизации над культурой. Это глубокая потребность в одухотворении и одухотворенности бытия. Этнография как раз и является той областью знания и опыта, которая в наибольшей степени владеет материалами по более равновесным, более устойчивым, более гармоничным системам адаптации.

Этнография вряд ли вправе оперировать понятиями «эстетика» и «искусство». Об этом разговор уже шел. Ведь очевидна релятивистская ценность представлений о «красивом». «Пластический» и «образный символы» в каждой культуре глубоко внутренне мотивированы, при том что в целом имеют бесспорную связь с видовыми особенностями людей в перцепции и психологии зрительного, звукового, осязательного и прочих каналов мировосприятия и миротражения. Для удобства понимания и выражения исследовательских намерений и как некоторой условностью можно продолжать пользоваться привычным выражением «произведения искусства» как способом коротко обозначить класс предметов, имеющих явные черты изобразительности: от дизайнерского модуля до орнаментации и разного обобщенного отражения объектов окружающей среды в артефактах. Впрочем, именно так понимаемые «произведения искусства» и в состоянии наиболее сильно информационно (и эмоционально) насыщенно воздействовать на представителей инокультурной среды (каковой и выступает среда музея). Это вызвано акцентуацией информации на зрительно (изредка для музеев — акустически) заданных образах. Эти образы действуют по принципам объемно-пластических, колористических, линейно-абрисных (силуэтных) ощущений, сочетаний fasciniрующих (в орнаментах, рядах подобиий) и знаково пластически выраженных доминант.

Именно здесь возможно наиболее сильное по эмоциональной эффективности взаимодействие (вплоть до совпадения — мнимого или реального) стереотипов разных культур. Именно здесь может быть

обеспечен наибольший по эффективности диалог, который реален при таких условиях и без перевода.

Однако задача достоверной и образно убедительной передачи ценностей и достижений чужих культур и есть обязанность этнографического музея. В условиях МАЭ коллекции по бамбара дают такую возможность, позволяют не только говорить о локальных и узкорегionalных особенностях жизни населения, но и ставить вопросы методологического характера, обеспечивать передачу жизнеустроительных и морально-этических ценностей близкого к Архаике образа существования. Организующие принципы «жизни в природе» более чем актуальны и для России, и для индустриально развитых стран Запада. Они — эти принципы — дают повод для постановки вопросов о необходимости и неизбежности коррекции цивилизационного развития, о поиске восстановленной гармонии в природе и обществе.

В задачу данного исследования как раз и входило раскрытие реальной жизни бамбара в ее овеществленной, опредмеченной форме на основе хранимых в фондах МАЭ коллекциях.

Африканские коллекции МАЭ и концептуальные проблемы развития музея

МАЭ относится к числу старейших и самых значительных этнографических музеев мира. Общая численность его этнографических, антропологических и археологических коллекций — около миллиона, из них собственно этнографических — 200 тыс. Наиболее известны североамериканские, сибирские, среднеазиатские, индийские, китайские, океанийские коллекции.

Африканские фонды МАЭ насчитывают около 13 тыс. предметов. История их формирования восходит к последней трети XIX в., когда в музей поступили богатые материалы экспедиции В.В. Юнкера по Восточной Африке. Значительный вклад в пополнение африканских фондов внесли русско-эфиопские связи конца XIX — начала XX в. Коллекции по Южной Африке поступили, в частности, от чешского путешественника Э. Голуба. Дореволюционные коллекции по Западной Африке Л. Фробениуса и по Юго-Западной — А. Мансфельда явились в основном результатом обменной деятельности музея. В 1900 г. в дар от проф. Г. Мейера поступили предметы из Бенина.

Революция 1917 г. и последующий этап истории страны надолго прервали связи России с Африкой, и пополнение фондов длительное время оставалось случайным через ограниченные по численности